

Социальная философия

УДК 316:008+316.012(045)

Территориальная экспликация Севера как конгломерата локальных сред

© **Ульяновский** Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры общего и специального менеджмента Института управления и регионологии, старший научный сотрудник АНЦ УрО РАН, НОЦ «Институт Арктики». Автор 11 монографий. E-mail: uvi29@mail.ru.

© **Дрегалю** Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общего и специального менеджмента Института управления и регионологии, старший научный сотрудник АНЦ УрО РАН. Автор 14 монографий. E-mail: mba@pomorsu.ru.

В статье представлен концептуальный анализ территориальной типологии северного региона. Обосновывается методология интегративного подхода типологизации северных территорий как конгломерата локальных сред. Дан методологический анализ факторов перехода от «освоения к обживанию» северных территорий как основы социальной типологии северного человека, Nordmena.

Ключевые слова: *территориальная типология, локальная среда, обживание территории, малочисленные народы Севера.*

Territorial explication of the North as a conglomerate of local environments

© Dregalo Alexander, Doctor of Philosophy, professor, Head of Department of General and Special management of Pomor State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher of Arkhangelsk scientific centre of Ural Branch of the R A S, author of 14 monographies.

© Ulyanovskiy Victor, Doctor of Sociology, professor of faculty of general and special management of Pomor State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher of Arkhangelsk scientific centre of Ural Branch of the R A S, author of 11 monographies.

Abstract

The article presents a conceptual analysis of the territorial typology of the northern region. The methodology of the integrative approach typology of the northern territories as a conglomerate of local media is substantiated. There is the methodological analysis of the factors of the transition from «the development of a habitation» northern territories as bases of social typology of the northern people, Nordmen.

Key words: territorial typology, the local environment, habitation territory of, aboriginal people of the north.

Определение пространственных параметров, их типология является необходимым условием анализа сущности общественных процессов. В науке понятие «тип» имеет несколько смыслов: модель группы предметов; наивысшая систематическая категория, или единица в науках; индивид, наделенный характерными свойствами и др. Соответственно, типология означает классификацию объектов по общности каких-либо признаков. В социологии множество индивидуальных характеристик рассматривается как общественные свойства, характерные для определенной группы людей. В свою очередь типологизация трактуется как метод социологического исследования, основанный на выявлении сходства и различия множества социальных объектов, способов их идентификации, устойчивых сочетаний свойств социальных явлений в системе переменных, их группировок посредством идеализированной модели. Концептуальные подходы современной территориальной типологии исходят из целей и объектов исследования. Наиболее распространенными являются экономико-географические типологии пространственных систем [1]. *Географические типологии* основываются на топологических свойствах территорий. В данном случае «Север» рассматривается как территория, ограниченная физико-географическими параметрами. Отнесенные к районам Крайнего Севера, территории России расположены в широтном диапазоне от 82 до 44 градуса. Такой вариант не имеет прямого отношения к социальной типологии, поскольку речь идет лишь о физическом пространстве.

В рамках географической типологии канадский географ Л.Э. Амслен исследовал проблему районирования и типологии Севера на основе системной оценки территории. Для этого применил ряд физико-географических и экономико-географических признаков: географическую широту; температуру самого теплого месяца; продолжительность морозного периода; продолжительность сезонного промерзания почвы; количество осадков; степень лесистости;

плотность населения; хозяйственную освоенность; уровень издержек производства. Для каждого признака устанавливается степень «освоенности» территории в баллах. Методология Л.Э. Амслена апробирована в Америке, Канаде, в странах Западной Европы и нашла широкое применение при расчетах надбавок к зарплате работников, занятых в производстве на Севере.

Экономические типологии основаны на системах показателей регионального развития: ВРП, среднедушевых доходов, социальной и производственной инфраструктуры, роли базовых отраслей в специализации регионов. В отечественной практике известны экономические типологии, в основу которых положены критерии труднодоступности наземным транспортом и ограниченности «срока завоза». Известны и типологии районирования, основанные на показателях среднедушевых бюджетных доходов и расходов, оценки факторов, влияющих на доходы и расходы региональных бюджетов, а также на оценке величины минимального прожиточного уровня.

Дифференциация территорий по условиям жизнедеятельности человека является более близкой к социальной типологии. На Севере России чаще всего признаком дискомфорта является температурный режим, комплекс других метеорологических факторов. Дискомфортность среды рассматривается в таких формах ее проявления как экологическая (слабая способность к самовосстановлению природных систем); биологическая (сравнительная бедность видов), геотехническая (наличие вечной мерзлоты). Типология северных территорий строится в данном случае по критерию суровости климатических условий. Зоны «северности» определяются в зависимости от комплексного воздействия природной среды на условия жизни и производства. Посредством различных методов – индексирования, балльного ранжирования и других – на Европейском Севере России выделяются три зоны: абсолютно дискомфортная, включающая арктическую подзону (0,8 млн. кв. км); экстремально дискомфортная и дискомфортная (общей площадью 11,4 млн. кв. км). В зону абсолютного комфорта входят Ненецкий АО, часть территорий Мурманской области, Республики Коми (г. Воркута и г. Инта) [2]. Эта типология, разработанная Кольским научным центром РАН, носит инструментальную направленность. Она решала задачу определения размера компенсации повышенных затрат на производство продукции и жизнеобеспечение населения и была положена в основу Федерального закона «О районировании Севера России», подготовленного Госкомсевером России по распоряжениям Правительства РФ (№ 107-р от 19.01.92. и № 1664 от 31.12.97). Нетрудно заметить, что данная типология, как и названные выше, носят экономическую направленность, где наблюдается смещение объектов типологии в сторону, часто противоположную от человека.

Частные типологии северных территорий. К ним следует отнести:

- а) типология районов Крайнего Севера по критерию труднодоступности (наземным транспортом) и ограниченными сроками завоза;
- б) типология по среднедушевым бюджетным доходам и расходам, оценка факторов, влияющих на доходы и расходы региональных бюджетов;

с) типология районов Крайнего Севера по величине минимального прожиточного уровня. Подобные типологии решали задачи освоения Севера и частично – реабилитации северных территорий в годы минувших реформ 1990–2000 гг. Однако в период стабилизации экономики потребовались новые подходы к районированию северных территорий, направленные на социально-экономическое развитие регионов.

Биоклиматическая типология, получившая признание многих исследователей, основана на результатах фундаментальных исследований физиологов, иммунологов и биологов [3, с. 51]. Для оценки природно-климатических факторов применяется биоклиматический индекс суровости метеорологического режима (БИСМ), продолжительность дня и ночи, отопительного периода и другие показатели [4].

Типология северных территорий по административно-географическому основанию. В Министерстве регионального развития экспертами предложено выделить Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ), куда относят субъекты федерации, территориально примыкающие к Северному Ледовитому океану.

В целом типология северных территорий России нацелена на решение конкретных ситуационных задач. В их числе – уточнение круга регионов, получающих финансовую поддержку в рамках Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 (в редакции Федерального закона от 8 января 1998 г. № 4-ФЗ); определение перечня районов с ограниченными сроками завоза, имеющих право претендовать в силу этого на получение федеральной помощи по поставкам продукции [5, с. 14].

Частично типология северных территорий затрагивает и социально-культурную проблему – выживания малочисленных народов Севера. На Севере, в Сибири и Дальнем Востоке проживают 40 из 45 коренных малочисленных народов Российской Федерации, включенных в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В.Г. Логинов отмечает, что «...для властных структур данных округов и для хозяйствующих субъектов коренные малочисленные народы Севера создают определенные проблемы при промышленно-транспортном освоении территории. Это связано с тем, что в местах компактного проживания малочисленные народы предъявляют свои права на природные ресурсы, являющиеся базой сохранения их традиционного образа жизни, и на территории, где они занимаются традиционными промыслами» [5, с. 21].

Но дело не только в «помехах» в освоении северных территорий. Известно, что уникальность культуры северных этносов имеет мировое значение. Пока же им уделяется меньше внимания, чем сохранению уссурийского тигра, хотя по численности в расчете на квадратный километр некоторые коренные малочисленные народы Севера почти сравнялись с редкими обитателями северных территорий. Ситуация повторяется как и с защитой коз в США, опи-

санная в книге У. Дугласа «Трехсотлетняя война», где автор сожалеет, что защите животных уделяется больше внимания, чем защите человека.

Таким образом, как показывает анализ проблем северных территорий, их типология преимущественно определяется интересами освоения природных ресурсов. Сам термин «освоение» многозначен: это процесс взаимодействия общества и природы; процесс освоения ресурсов; процесс социально-экономического развития; процесс размещения производительных сил и др. Наиболее полное определение освоения в экономической теории предложил К.П. Космачев [6]. Под *хозяйственным освоением* территории автор понимает включение в народное хозяйство страны новых площадей, которые осуществляют различные отрасли хозяйства. А *полное освоение* предполагает включение в народнохозяйственный оборот всей территории при максимально возможном (на данном экономическом уровне) использовании ее природного потенциала. В этом случае «природная основа территории видоизменяется, обогащается техническими сооружениями того или иного рода и их сочетаниями». В *развитие идей К.П. Космачева исследователи определяют типы территорий на основе степени их освоенности*: резервные территории, территории пионерного экономического развития, освоенные территории и территории затухающего развития. В качестве индикаторов подобной типологии выделяют динамику численности населения, его естественный и механический прирост, миграционный оборот, занятость, половозрастную структуру, уровень развития социальной сферы и промышленного производства, объекты инвестиций в основной капитал и непромышленного назначения.

Сам процесс освоения территории можно рассматривать в пространственно-временных координатах в связи с качественными изменениями северной среды. В.Н. Лаженцев выделяет следующие этапы. 1. *Проникновение* (спонтанное и постепенное продвижение людей в новые места с целью получения ресурсов жизни, достаточных для ее воспроизводства). 2. *Переселение* (организованный скоротечный переезд людей на новое место жительства с надеждой на свободу и выгоды). 3. *Передислокация* (перевод производства в другие точки роста в силу истощения ресурсов прежних мест). 4. *Экономическая интервенция* (организованный захват территории и ее ресурсов с целью присоединения их к различным рынкам). 5. *Управляемая интеграция* (специализация отраслей и районов и их кооперация) [7, с. 26-31].

Новым подходом к пониманию процесса освоения северных территорий является идея, согласно которой акцент делается не на ресурсодобывающем производстве, а на инфраструктуре – прежде всего транспортной (В.Г. Логинов; 2007). В социально-экономическом плане автор выделяет три направления. Первое направление необязательно сопровождается ростом освоенности территории. Второе направление имеет место в силу стратегического или транспортного значения территории. Третье направление – экономическое освоение и «обживание» северных районов, осуществляемое при взаимодействии трех процессов: промышленного освоения, транспортного строительства и заселения. Во всех трех направлениях автор наряду с природно-ресурсным потенциалом рассматривает социально-производственный потенциал,

составляющими которого, по идее автора, являются человеческий потенциал, население и трудовые ресурсы, социальная инфраструктура. *Налицо поворот известных концепций освоения Севера к человеку не только как субъекту, но и как объекту реализации социально-экономической политики.* Автор предлагает методические рекомендации по оценке социальных последствий освоения территорий Севера и формулу оценки ущерба от неизбежного недостаточного использования социальной инфраструктуры (коэффициента недоамортизации) для каждого вида социальной сферы: объектов жилья, образования и дошкольного воспитания, здравоохранения, культурно-бытового обслуживания [8, с. 17-20]. На наш взгляд – это первый шаг в осмыслении новой парадигмы Северной политики – обживания территорий.

Началом данного этапа освоения северных территорий можно считать 2003 год, когда был образован Научный совет РАН по координации научных исследований по вопросам развития регионов (Постановление Президиума Российской академии наук от 29 апреля 2003 г. № 145). На совете было обращено внимание на необходимость государственного подхода к проблемам Севера, накопившихся в течение многих десятилетий и особенно в период либерализации экономики и перехода к рынку. Государственный подход был обоснован в коллективном труде известных ученых – академика А.Г. Гранберга, член-корреспондентов В.Н. Лаженцева, А.А. Макарова, В.В. Филиппова, Ф.Н. Юдахина, доктора наук А.Н. Пилясова и др. [4]. По утверждению авторов, «смена общей парадигмы «от освоения к обживанию» предполагает и более четкие изменения: от использования природных и человеческих ресурсов к их системному воспроизводству, от вывоза почти полного создаваемого здесь капитала к материализации его значительной части на месте, от моно- к полиспециализации на основе научно-технологических инноваций, от трансляции чужих идей к выработке собственных, от государственного патернализма к координации всех субъектов хозяйственной и общественной деятельности и др. *Жизненный уклад, язык, культуру, здоровье народов Севера необходимо рассматривать в качестве самоценности, достояния общемировой цивилизации*» (курсив наш – А.Д., В.У.) [4, с. 5]

Новая парадигма «обживания» территории не означает отказ от концепций «ресурсного освоения». В экономической науке и экономической политике сохраняется императив нормативации, приспособления к суровым природным и сложным экономическим условиям хозяйства на основе внедрения северной техники и технологий, минимизации вспомогательных и обслуживающих производств, поиска оптимальных форм организации труда. В социально-экономической сфере – создание условий реабилитации и развития социально-бытовой инфраструктуры с учетом природно-климатических условий. В политической сфере – развитие местного самоуправления в условиях малолюдности территорий, слабой развитости коммуникаций. Вместе с тем, *главная идея парадигмы «обживания» заключается в ориентации всех регионов Севера, кроме Арктики, на постоянное местожительство, разнообразие внутренних источников жизнеобеспечения, географическое разделение труда и эквивалентный обмен.* Процесс реализации идеи «обживания» северных территорий трудно представить без расширенного воспроизводства человеческого и социального капитала.

Методологический анализ факторов перехода от «освоения к обживанию» северных территорий предполагает рассмотрение социальной типологии, адекватной территориальной. Проблема подобной редукции состоит в том, что социальная типология основывается на категориях иного, отличного от экономики дискурса, что предполагает более высокую абстракцию, открывающую перспективу представлять в логической связи все виды человеческой деятельности на определенной территории. Таким свойством, на наш взгляд, обладает *концепция локальных сред*, предложенная В.Н. Лексиним и Е.Н. Андреевой [9, с. 34]. Она открывает возможность интегративного подхода к типологизации Северных территорий. Такой подход мы называем *средовой типологией*. Идею локальности среды развивал Я. Щепаньский. Территориальными общностями он называл те общности, «члены которых связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории» [10, с. 160]. К территориальным общностям автор относит город, поселок, село, хутор, отдельный район города, в некоторых аспектах и государство. Достоинство *средовой типологии*, на наш взгляд, состоит в следующем: 1) *средовая типология* обеспечивает холистическое видение среды и место в нем локального социума. Преодолеваются «призраки пещеры» и «призраки рынка» как атрибуты человеческой природы (Ф. Бэкон); 2) *средовая типология* позволяет фокусировать внимание исследователя на отношениях и связях социума, определяющих структуру общности; 3) *средовая типология* придает научному поиску и практической деятельности на Севере гуманистический оттенок; 4) *средовая типология* ориентирует научный поиск на иерархию локальных сред с их видовыми особенностями и родовыми сущностями. Смеем утверждать, что региональная социология без анализа особенностей *среды*, включающей природу, человека, общность, бессмысленна. В данной триаде нет главных и второстепенных звеньев. Есть бытие элементов среды. Это «человек» – индивид или группа лиц с общими интересами, вступающая во взаимоотношения с «обществом» и «природой». «Общество» – это многообразие созданных людьми общественных отношений и взаимосвязи с «природой». «Природа» – это естественный базис бытия «человека» и «общества» (В.Н. Лексин, Е.Н. Андреева; 1993). Эвристический потенциал *средовой модели* исследования северных территорий состоит в ее основательной методологической обоснованности.

Методология познания среды предполагает ее пространственную локализацию. Сложность данной процедуры состоит в том, что в широком, философском понимании категория «среда» внепространственна. Редукция данного феномена на локальный уровень порождает противоречие между целым и частью. Авторы *средовой модели* исследования пространства решают данное противоречие, используя присущую глобальной среде пространственную неравномерность (внутреннюю дифференциацию) явлений и процессов. Эта дифференциация «создает потенциальную возможность пространственного расчленения глобальной среды на локальные зоны. *Пространственно локализованные среды* (зоны – А.Д., В.У.) могут и должны рассматриваться как специфические *сгустки* общего *средового пространства*, где взаимосвязи и взаимозависимости, внутренние конфликты и общности *средовых элементов* проявляются в *своеобразных* и *острых формах*» [9, с. 13].

Для исследования социальной типологии северного пространства, выявления социокультурного типа «северного» человека «средовый» подход представляется уместным и логически обоснованным в силу его фундированности средовыми отношениями: «жизнь среды – это бытие средовых элементов, взятое в средовых отношениях» (Лексин В.Н., Андреева Е.Н.; 1993). В качестве пространственно локализованной среды может выступать определенная территория по критериям административного деления (муниципальное образование, субъект федерации, федеральный округ); этническому признаку (место постоянного проживания этноса); по уровню ресурсного освоения и др. Пространственно локализованная среда Севера как объекта познания включает некое множество проблемных объектов, селекция которых определяется целями исследования. В зависимости от целей исследования может быть избрана часть территории, имеющая все признаки целого. Авторы средовой модели используют в таком случае понятие «локальное территориальное образование». И уточняют его важные особенности. Первая особенность состоит в том, что среда не просто «территория» – общеупотребительный, общепризнанный, общепонятный вид географического пространства, где осуществляется жизнедеятельность человека, общности и наличествует самодостаточная, определяющая жизнь людей природа. Локальное территориальное образование – выделенная для определенных целей исследования часть социального, природного, экономического, инфраструктурного, культурно-исторического, собственно пространственного потенциала существования и развития системы. Такая часть имеет все признаки целого. Вторая особенность состоит в том, что локальное территориальное образование не просто «система», обычно понимаемая как некое «единство», «целостность». Это понятие более объемное в силу условности границ объекта, их потенциальной подвижности, неопределенности, нестабильности, конгломерантности, а также открытости. В подобном случае авторы средовой модели предполагают, что «локальные территориальные образования являются своеобразным типом *системно-конгломерантных* структур, для которых «единство» и «целостность» следует преимущественно рассматривать как *идеальное* состояние [9, с. 19]. Данные особенности объекта затрудняют задачи выделения и корректного описания множества реальных субструктур с их связями и количественными уровнями их проявления. Тем не менее, накопленный авторами средовой модели опыт анализа северной среды, диагноза и выявления средовых регуляторов подтверждает продуктивность предложенной методологии.

Для использования данной парадигмы в типологиях северной среды имеются достаточные основания. Во-первых, понятие «природа», как и другие подобные ему категории, изменяется в содержании, конкретизируется. В античности «природа» имела два смысла: сущее как таковое и внутренняя сущность вещей. Классическая философия, ориентированная на познание всеобщего, создала представление о природе как объективной реальности, дистанцированной от человека и социума. Лишь в Новое время природа обретает смысл «натуры» – естественного бытия вещей и становится предметом естествознания. Сегодня природа используется в трех смыслах: как все сущее; как естественная и искусственная среда обитания; как внутренняя сущность вещей. Многозначность термина лишает определенности объекта исследования. Во-вторых, широко используемая в различных науках дефиниция «окружающая

среда» а priori отдает приоритет природному началу, без уточнения относительного ее смысла. В-третьих, сама природа, как естественное бытие, связана с «окружающей средой» – человеком, обществом и продуктами их деятельности. Таким образом, исследователь имеет дело с тремя взаимосвязанными объектами – природой как естественным бытием вещей и явлений, человеком и обществом. Редуцируя философскую категорию на уровень конкретных наук, исследующих человека и общество, на наш взгляд, является достаточно продуктивным именно «средовый» подход.

Между тем, анализ работ, связанных с социальной типологией, показывает, что в известных публикациях, диссертационных исследованиях российских и зарубежных авторов понятие «среда» сегодня, как и четверть века назад, рассматривается как естественно-материальный, физический мир, *окружающий* человека. Исследовательский потенциал данного подхода ограничен. Напротив, представления авторов парадигмы о локальной среде как «совокупности процессов и явлений личностного, общественного и природного характера, объединяемых временем и определенными пространственными границами», открывает новые возможности в моделировании процессов обживания северных территорий.

Отметим еще один важный момент в «средовом» подходе к моделированию процессов обживания северных территорий. Взаимодействие человека и природы исторически прошло три этапа: мифологический (подчинение человека природе); научно-технологический (господство человека над природой); формирующийся сегодня диалогический (гармония человека и природы). Гармоничная целостность – «связь, согласие, стойкость» – представляет собой единство многообразия, согласованность формы и содержания объекта, соразмерность и упорядоченность частей целого. Согласно парадигме о локальных средах, социальную типологию важно строить с учетом принципов устойчивости и гармоничной целостности. В данном случае устойчивость означает, что основная часть элементов локализованной среды «неразрушающе связана с другими таким образом, что это позволяет сохранять или повышать имеющийся потенциал и этой группы элементов. и (в какой-то степени) среды в целом» [9, с. 16-17].

«Средовый» подход к моделированию процессов «обживания» северных территорий отвечает тенденциям гуманизации, обретения целостности в холистическом мировоззрении. Преданные забвению в период «освоения» природы сегодня становятся востребованными социогуманитарные ценности. Суть их отражают императивы постнеклассической науки, сформулированные Н.Н. Моисеевым: 1) императив устойчивого общества – «скорость перемен среды, окружающей человечество, не должна превышать скорость приспособления к ней»; 2) экологический императив – «согласование потребностей человечества, его активной деятельности с возможностями биосферы планеты, с возможностью обеспечения ее дальнейшего развития»; 3) нравственный императив – «то, что было допустимо в прошлом, уже недопустимо сегодня» [11]. Таким образом, «средовый» взгляд на мир, перефразируя мысль П. Рикера, позволяет сделать «гуманистическую прививку» человеческому разуму, участвующему в освоении жизненного мира, в том числе в «обживании» северных территорий.

Озвученная политиками, научно обоснованная идея «обживания территорий», на наш взгляд, содержит ряд противоречий, решение которых впереди.

Первое противоречие. С одной стороны, декларируется, что «все регионы Севера, кроме Арктики, будут развиваться на основе постоянного места жительства». С другой стороны, сегодня в Арктике проживает коренное (старожильческое) население (родившееся в Заполярье). Это Мурманская область, города Тюменской области, Чукотки и др. Кроме того, в арктической зоне проживают малочисленные народы Севера. Означает ли декларация о временности проживания данной категории северян, их переселение в более благоприятные районы и неизбежный переход на вахтовый метод труда? Мировой и отечественный опыт свидетельствует, что однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Если рассматривать эту дилемму с экономических позиций, то в условиях рыночной экономики многие северные территории, особенно Заполярье, оказались нежизнеспособными, неэффективными. Появлялись программы переселения «избыточных» людских ресурсов в обжитые районы. Авторы подобных проектов отмечали, что есть «абсолютная» перенаселенность – безработные, неработающие пенсионеры, и т.д. – и «относительная» перенаселенность – следствие неэффективного использования рабочей силы, устаревших технологий, техники, организации производства, ее нерациональной структуры. По расчетам, к началу реформ абсолютная перенаселенность составляла 1,9 млн. чел. или 13 % от общей численности населения [12, с. 78]. С началом реформ началось стихийное переселение, когда выезжали в основном квалифицированные кадры. А оставалось неработающее население. Государственные акции переселения северян ожидаемого эффекта не дали. Вторая сторона проблемы – неизбежен ли вахтовый метод в процессе освоения северных территорий? Однозначного ответа на него также нет. Как и нет одинаковых форм вахтового метода. Один вариант, применяемый на добыче углеводородного сырья, – обустройство нефтегазовых промыслов, завоз работников из-за пределов субъекта федерации. Другой вариант – привлечение организаций на сезонную работу. Третий вариант – внутрирегиональные вахты (Якутский опыт). Их основой являются базовые города, рабочие поселки. Четвертым вариантом является опыт коренных малочисленных народов Севера – сезонное кочевье с возвратом на некоторое время в базовые поселки. Каждый из них является результатом опытного (методом проб и ошибок) поиска оптимальной модели жизнедеятельности человека. Научного обоснования преимуществ и недостатков той или иной модели не существует. Научное обоснование оптимального выбора форм обживания территории предполагает всестороннюю оценку опыта. Нам представляется, что такой аудит возможен не столько на основе экономического подхода, сколько на базе территориально-средового анализа. Выбор императива может быть осуществлен только на основе глубокого изучения элементной базы, максимально возможного объема связей и отношений локально-территориальной среды. Можно сформулировать гипотезу: формы освоения северных территорий по критерию оптимальности затрат и результатов зависят от особенностей локальной среды: природных и человеческих ресурсов, рационального размещения производительных сил, уровня кластеризации, уровня развития инфраструктуры, мотивации труда, качества жизни населения, социокультурного фактора.

Второе противоречие идеи «обживания территории». С одной стороны, декларируется, что все регионы Севера, кроме Арктики, будут развиваться на основе разнообразных внутренних источников жизнеобеспечения. С другой стороны, на региональном уровне сохраняются, а на местном уровне усиливаются диспропорции территориального развития северных регионов, локальных сред внутри северного региона. Одновременно сохраняется табу на перераспределение дохода, получаемого государством за счет освоения природных ресурсов. Еще в 1996 г. Президентом РФ (указ от 3 июня 1996 г № 803) были утверждены «Основные положения региональной политики Российской Федерации», где в качестве одной из основных целей было определено «выравнивание условий социально-экономического развития регионов». Однако опасность возникновения особо острых кризисных социальных, экономических, экологических и иных ситуаций не устранена. Причиной чрезмерной дифференциации территорий по уровню и качеству жизни в период реформ стала неспособность государства выполнять свои функции как гаранта конституционных прав граждан. Об этом свидетельствуют данные о средней продолжительности жизни в отдельных субъектах федерации с различными природно-климатическими условиями; среднемесячные доходы населения; средняя оплата труда с учетом социальных выплат; стоимость набора основных продуктов питания и её отношение к средней заработной плате, анализ других индикаторов качества жизни [13, с. 34-35]. Государственная политика «выравнивания» как стирание различий в уровне и качестве жизни населения, доведение их до средних показателей по стране, используется в различных масштабах. Особенно удручающе выглядят диспропорции в развитии локальной среды на муниципальном уровне. В условиях, когда большая часть ренты изымается в пользу государства, оставшиеся накопления перераспределяются в пользу крупных городов, областных, республиканских центров, рыночный хозяйственный механизм не проявляет адекватной социальной ответственности бизнеса, уповать на способность территорий к саморазвитию по меньшей мере нереально. Во многих муниципальных образованиях северных регионов аномально высокая территориальная дифференциация еще длительное время будет сохраняться. Здесь речь может идти не о развитии, не о расширенном воспроизводстве, обживании новых территорий, а о реабилитации жизненной среды. Внутренних источников для реабилитации среды будет недостаточно. На этот период как минимум сохранится необходимость в адресной помощи государства. Частично эта задача решается в виде социальных проектов.

Третье противоречие парадигмы «обживания территории». С одной стороны существует императив развития регионов Севера на основе географического разделения труда, эквивалентного товарообмена. С другой стороны имеется прямая связь географического (территориального) разделения труда с территориальным размещением общественного производства в той мере, в какой происходит обмен результатами производственной деятельности между разными местностями. В малонаселенных районах Севера и даже в пределах одного муниципального образования (местное разделение труда) при крайне слабом развитии транспортной инфраструктуры территориальное разделение труда крайне затруднено. Исключение составляют кластеры, определяемые автором идеи промышленной кластеризации – Майклом Портером как «географически ограниченную группу компаний, поставщиков, провайдеров услуг

и ассоциированных институтов социальной сферы, связанных взаимоотношениями различных типов» [14, с. 109]. Преобладающая на Севере ресурсодобывающая специализация существующих кластеров указывает на временный характер их существования. По мере истощения природных ресурсов кластеры распадаются. Остается население, интенция которого – выживание.

Проблемно разделение труда и на территориях постоянного проживания малочисленных народов Севера, занятых домашним производством, домашними ремеслами. Труд аборигенов

направлен на удовлетворение потребностей семьи. Здесь сохранились многие черты, восходящие к древности – примитивность орудий труда, ритуальный характер некоторых производственных процессов¹. хаичен во многом и производственный комплекс, который

включает выделку шкур, обработку кости, камня, дерева, формы прядения, ткачества, кузнечного дела. Особенности расселения малочисленных народов Севера, сохранившийся во многом специфический уклад жизни, натуральное производство не способствуют эквивалентному товарообмену. Даже реально существующее межотраслевое разделение труда – оленеводство, рыболовство – затрудняет эквивалентный товарообмен по причине слабой конкурентоспособности товара и развитости инфраструктуры. Лишь государственные субсидии спасают оленеводство от разорения. В период реформ, когда государство не могло поддерживать эту отрасль, оленеводство понесло потери в катастрофических масштабах, что усугубило ситуацию.

Таким образом, названные противоречия не ставят вопрос о реализуемости концепции обживания территории. На наш взгляд, эти противоречия скорее свидетельствуют о сложности реализации идеи. В реальной практике подобные противоречия «снимаются». Важно выбрать оптимальный метод реализации идеи. К таким методам мы отнесли бы «средовый» подход. Его достоинство, в частности, состоит в том, что локализованная среда может рассматриваться на уровне региона, муниципального образования, отдельного поселения. Элементы и связи среды исследуются в определенной структуре во взаимозависимости и во всей их

¹ Фото. © RIA Novosti. Alexander Liskin. URL: http://en.rian.ru/photolents/20100418/158591928_4.html (дата обращения: 05.05.2011)

сложности. Пространственные границы локальной среды могут определяться в зависимости от целей научного поиска.

Литература

1. Агранат Г.А. Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера. М.: Наука. 1984. – 200 с.; Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. – М.: 1961. – 302 с.
2. Финансовые отношения федерального центра и северных регионов и их влияние на организованную миграцию с Севера. Проект CEPRA (Российско-Канадский консорциум по вопросам прикладных экономических исследований). – Авторский коллектив: А. Золотарева, О. Изряднова, П. Кадочников и др. Ред. – Н. Главацкая. URL: <http://www.iet.ru>. (дата обращения: 22.11.2010).
3. Ракита С.А. Биоклиматическое районирование Севера СССР // Население и окружающая среда. М.: Статистика, 1975. С. 21-29.; Рекомендации по прогнозированию и профилактике десинхрозозов (хронофизиологические аспекты географических перемещений) / Сост. В.А. Матюхин, А.А. Путилов, С.Н. Ежов. – Новосибирск, 1984. – 51 с.
4. Север России: актуальные проблемы развития и государственный подход. – Москва-Сыктывкар, 2004. – 172 с.
5. Логинов В.Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Севера. – Екатеринбург, 2007.
6. Космачев К.П. Пионерное освоение тайги. – Новосибирск, 1974. – 174 с.
7. Лаженцев В.Н. Проблемы Севера: специфика предмета научных исследований // Экономика региона. – 2007. – Тематическое приложение к № 2. – С. 26-31.
8. Логинов В.Г. Концептуальные основы освоения природно-ресурсных районов Севера и оценки их социально-экономического потенциала. Автореферат на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Екатеринбург, 2009. – С. 17-20.
9. Лексин В.Н., Андреева Е.Н. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и методология ее изучения. – М.: Изд. Группа «Прогресс», изд-во «Эко», 1993.
10. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Изд. «Прогресс», 1969.
11. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М.: АГРАФ.1998. – 480 с.
12. Тезисы Российской программы социально-экономического развития Севера / Под рук. А.Г. Гранберга, Г.П. Лузина, А.М. Позднякова, С.С. Гузнера. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1993.
13. Лексин В.Р., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. 3-е издание (стереотипное). – М.: УОСС, 2000.
14. Портер М. Экономическое развитие регионов // Пространственная экономика. – 2007. – № 1. – С. 109.

Рецензент - Кудряшова Е.В.,
доктор философских наук, профессор